

ы чего это? Ты что это тут лежишь? Ты это почему? Кто тебя уполномочил?

Я с трудом разлепила глаза и увидела над собой круглое, растерянное, озабоченное лицо. Лицо это медленно плыло по кругу, тихонько поскрипывая, как будто я кружусь на детской заржавленной карусели.

Лицо это было мне смутно знакомо...

Я попыталась вспомнить, откуда я его — это лицо — знаю, и вообще, где я нахожусь, но от этой попытки карусель закружилась еще быстрее, а в голове вспыхнула боль.

— Воды... — пролепетала я из последних сил.

Почему-то мне показалось, что вода — это именно то, что мне сейчас нужно.

Круглое лицо исчезло, а потом перед моими губами появился стакан с водой.

Я потянулась к стакану, сделала неуверенный глоток.

Половина воды выплеснулась на меня, но что-то я все же выпила, и, как ни странно, от этого мне стало немного легче.

Карусель замедлила свое движение, а потом и вообще остановилась.

Я осознала, что лежу на темном паркетном полу в чужой квартире... хотя квартира эта была мне знакома...

Пазл в моей голове начал понемногу складываться.

Я пришла в квартиру Михаила Филаретовича, чтобы поискать материалы к его последней статье... меня послал сюда новый директор, Азадовский...

Но как я оказалась на полу?

Надо мной снова склонилось то же озабоченное круглое лицо. На этот раз я узнала эту женщину — это была Надежда Степановна, домработница Михаила Филаретовича.

— Девонька, ты как сюда попала?

Действительно, как?

Память моя постепенно возвращалась.

Я вспомнила, что подошла к двери квартиры, хотела позвонить — но тут увидела, что дверь открыта.

Я вошла в квартиру и громко проговорила:

— Надежда Степановна, это я, Анна! У вас дверь не закрыта, так я и вошла!

Мне никто не ответил, но из глубины квартиры доносились какие-то странные звуки. Наверное, домработница наводит порядок... хотя какой теперь в этом смысл?

Я пошла на этот звук, миновала прихожую и коридор, толкнула дверь кабинета...

И тут в голове у меня что-то взорвалось, и я провалилась в вязкую темноту...

Хотя темнота эта была не полная — она клубилась багровым клокочущим туманом, сквозь который проступали странные, фантастические фигуры — там был человек с головой шакала, и другой — с головой сокола, и женщина с головой львицы... все эти странные существа окружили меня, и обматывали мое тело каким-то широким бинтом, и при этом пели на непонятном языке...

А потом я очнулась от голоса Надежды Степановны.

Я провела рукой по лицу и села.

Голова уже не так кружилась, и я смогла оглядеться.

Я и правда сидела на полу в кабинете Михаила Филаретовича, рядом со мной стояла его домработница, лицо ее было озабоченным.

— Да что же с тобой случилось? — повторила она. — Я пришла, а дверь-то открыта, смотрю — а ты на полу лежишь...

— Сама не знаю... — пролепетала я плохо слушающимся языком. — Вдруг голова закружилась — и хлоп...

Отчего-то мне не хотелось рассказывать, как все было на самом деле. Да и знала ли я это?

Вдруг на лице женщины вспыхнула догадка.

— Так ты, наверное, беременная?

— Вот уж точно нет! — отмахнулась я.

— Ну, тогда я и не знаю... ты встать-то можешь?

Я уперлась в пол и встала.

Комната немного покачалась, и наконец все встало на свои места.

И в голове у меня тоже восстановился порядок, я вспомнила всю последовательность событий, в результате которых я оказалась на полу в этой комнате.

Началось все с того, что Михаил Филаретович не пришел на работу. Казалось бы, что такого? Может быть, заболел или просто проспал... со всяким может случиться.

Со всяким, но только не с ним, не с Михаилом Филаретовичем. За пятнадцать лет, что он проработал в музее, сначала научным сотрудником, а потом директором, он не пропустил ни одного дня. И не опоздал ни разу.

Понятно, что я это знаю с чужих слов, но та же Роза Витальевна, Секретарь (именно так — с большой буквы, и уж ни в коем случае не *секретарша*), клянется, что никогда такого не было. Поэтому она сразу забеспокоилась.

А тут еще срочно понадобилась подпись директора на каком-то документе, и Азадовский велел Розе позвонить Михаилу Филаретовичу.

Мобильным наш директор не пользовался, и Роза Витальевна позвонила ему домой.

И ей ответила рыдающая домработница, эта самая Надежда Степановна. И сквозь рыдания удалось разобрать, что она, придя в квартиру, нашла Михаила Филаретовича бездыханным, на полу в собственном кабинете. Вызвала «Скорую», но врач только констатировал смерть.

И тут Азадовский, заместитель директора, который прежде занимался только хозяйственными и финансовыми вопросами, в одну секунду расцвел махровым цветом.

Первым делом он подписал тот самый документ, где требовалась подпись директора (у него, оказывается, тоже было право подписи), затем перешел в кабинет Михаила Филаретовича и стал отвечать по его телефону. А потом взялся за организацию похорон.

Ну, с ним никто особенно и не спорил — во-первых, он же как-никак заместитель покойного. А во-вторых, все остальные, в частности та же Роза Витальевна, так расстроились, что не в состоянии были заниматься таким сложным и ответственным делом, как похороны.

А Азадовский — хоть бы что.

Он мгновенно все организовал, все устроил, позвонил, куда надо...

И тут выяснилось, что у нас в музее нет ни одной фотографии покойного директора. То есть ни одной достаточно приличной, чтобы выставить в холле, перед входом. И Азадовский тут же отправил меня к нему домой за этой самой фотографией.

Почему меня?

А кого же еще? Я ведь в его глазах была девочкой на побегушках!

Да я, в принципе, и не спорила. С Азадовским спорить — себе дороже. И съездить последний раз к Михаилу Филаретовичу мне было совсем не трудно.

Это я тогда думала, что последний...

Короче, я приехала в его квартиру, застала там заплаканную домработницу. Надежда Степановна не знала, где найти фотографию, отправила меня в кабинет и велела искать самой.

— Я сюда и заходить больше не хочу! — всхлипывала она. — Я ведь здесь его нашла... вот тут, возле стола... с трубкой телефонной в руке...

— С трубкой? — переспросила я машинально.

— Ну да, видно, разговаривал с кем-то — тут-то смерть за ним и пришла... Или плохо себя почувствовал, хотел «Скорую» вызвать, да не успел... — Домработница бурно разрыдалась и выбежала из кабинета.

Я проводила ее неодобрительным взглядом.

Не подумайте, что я сама не расстроилась из-за смерти Михаила Филаретовича. Может, я еще больше расстроилась, чем все остальные, потому что... да неважно почему. Просто я не люблю демонстрировать на людях свои эмоции. Откровенно говоря, их у меня и нет почти. Такая уж я от природы...

Оставшись одна, я принялась за поиски фотографий. Ну, для начала я перерыла все ящики стола, но ничего не нашла. В общем, я подозревала, что это будет не просто — Михаил Филаретович был человек скромный и фотографироваться не любил.

Да еще меня все время преследовали слова Надежды Степановны: «Здесь я его и нашла, с телефонной трубкой в руке», — так что я все время косила на то место, мне все время казалось, что там все еще лежит Филаретыч...

Наконец я все же нашла пару подходящих фотографий и хотела уже уйти, но снова вспомнила слова Надежды Степановны:

«Видно, разговаривал с кем-то, когда смерть за ним пришла...»

С кем же он разговаривал? И не был ли этот разговор причиной смерти?

Я взглянула на телефон, который стоял на столе.

Телефон был хотя и старый, но довольно навороченный, с памятью и автоответчиком. И что-то меня словно подтолкнуло — я сняла крышку и вытащила из аппарата карту памяти. И только после этого отправилась обратно на работу.

Азадовский на меня наорал — мол, что так долго, тебя только за смертью посылать...

Очень это у него уместно получилось, насчет смерти!

Я, конечно, не выдержала и ответила ему достойно. Мол, ищите другую дуру, которая за такие гроши будет выполнять все ваши поручения и еще лебезить перед вами.

Он от удивления потерял дар речи.

Но потом... думаете, он меня уволил или наорал?

Он и слова не сказал!

Вот так и надо всегда — давать отпор хамам! Не подумайте, что я почувствовала удовлетворение, мне на него плевать.

Тогда я развернулась и ушла. И дверью даже не хлопнула — все же директор умер, нужно потише себя вести.

В музее царили, по выражению того же Михаила Филаретовича, разброд и шатание, сотрудники как потерянные бродили между экспонатами, собирались по двое-трое и перешептывались, боязливо оглядываясь на кабинет директора. Для посетителей музей был закрыт.

На следующий день были назначены похороны. Народно пришло много — Михаила Филаретовича

в городе знали. В основном коллеги, бывшие соученики, чиновники от культуры — ну, эти по обязанности.

Было много речей, играла траурная музыка — в общем, ничего интересного. Противно только было наблюдать, как Азадовский юлил перед городским начальством: наклонялся, заглядывал им в глаза, угодливо улыбался, только что хвостом не вилял. Впрочем, может, и вилял, под одеждой не видно.

Потом в музее был выходной, но новый директор, назначенный официально, распорядился, чтобы сотрудники явились на работу. Дескать, нечего расслабляться, и так сколько времени зря потратили. Так и сказал — зря. Это когда мы все на похороны пошли.

Я не удержалась тогда и громко фыркнула. Азадовский посмотрел на меня... я сказала бы, что волком, но куда ему до волка, он больше на шакала смахивает. Такой противный шакал Табаки из мультфильма: «А мы пойдем на север!»

Остальные сотрудники промолчали, так что инцидент был исчерпан. А я поняла, что недолго мне в музее работать. Азадовский — очень злопамятная сволочь. Да и ладно, раз Филаретыча больше нет, то и мне тут делать нечего.

Однако когда Азадовскому следующий раз понадобилось кого-то послать в квартиру покойного директора, он снова отправил меня.

И вот чем это кончилось.

Я приехала, вошла в подъезд, увидела открытую дверь квартиры... ну, остальное я уже рассказывала.

— Ты точно не беременная? — недоверчиво повторила Надежда Степановна.

— Да ничего подобного! — огрызнулась я.

— А чего ж тогда упала? Молодая, здоровая... — Она так посмотрела на меня, как будто молодость и здоровье стоят на первом месте в списке смертных грехов. — И вообще, как ты в квартиру-то попала?

— Дверь была открыта.

— Да что ты несешь? Я только и вышла, ведро мусорное вынести, и дверь непременно закрыла!

— Говорю вам — открыто было! Иначе как я сюда могла попасть? Ключей у меня нет!

— Вот уж не знаю! — Надежда Степановна поджала губы. — И перерыла тут все! Я порядок навела, прибралась тут, а ты все выворотила! Совесть надо иметь? Я хотела после себя все в порядке оставить, а теперь ужас что творится...

Она продолжала что-то недовольно бухтеть, а я огляделась.

И правда, в кабинете все было перевернуто вверх дном, ящики из письменного стола выдернуты, их содержимое разбросано по полу. А ведь прошлый раз, когда я приходила за фотографией, здесь был полный порядок... Домработница, хоть и ворчлива не в меру, но дело свое знает, квартира вылизана была. Ни пылинки.

— Совсем вы, молодые, чужой труд не уважаете! — возмущенно припечатала Надежда Степановна.

— Да говорю же вам — я ничего тут не трогала! Я только вошла в кабинет, тут же и отключилась!

— Кто ж тогда тут накуролесил? — процедила домработница недоверчиво. — И вообще, зачем ты пришла?

— Начальник прислал за статьей, — отмахнулась я, и сама себе удивилась — что это я перед ней оправдываюсь?

Хотя сказала ей я чистую правду — Азадовский на этот раз отправил меня сюда за текстом статьи, которую Михаил Филаретович готовил в последнее время. Статья была посвящена фараону Эхнатону и предназначалась для каталога выставки, которая вскоре должна была открыться в нашем музее.

— Ну так бери свою статью да отправляйся, а я снова тут буду порядок наводить! Приберу, да сдам ключи управляющему под расписку, тогда уж сами тут разбирайтесь! — Она фыркнула и вышла в коридор, напоследок хлопнув дверью.

Я перевела дыхание и прислушалась к себе.

Чувствовала я себя более-менее нормально, только немного болел затылок. Я пощупала то место, где притаилась боль, и нащупала там под волосами здоровенную, растущую на глазах шишку и еще ссадину, которая немного кровила.

Ударилась об пол, когда упала?

Непохоже... на полу ковер, и такой ссадины не могло получиться при падении.

Тогда что же это выходит?

Выходит, меня кто-то приложил по голове?

Но кто?

Надежда Степановна говорит, что уходила вынести мусор и дверь заперла. Вообще-то я ей верю, это же надо совсем умом тронуться, чтобы кварти-

ру открытой оставить хоть на пять минут. Она — тетка аккуратная, ответственная.

Выходит, в квартире был кто-то другой... этот кто-то хозяйничал в кабинете Михаила Филаретовича, что-то искал, и когда я вошла — ударил меня по голове и сбежал...

Бред какой-то!

Хотя... все возможно. И вот, если бы я не пришла, то он бы Надежду по башке тюкнул. Так она не ворчать должна, а мне благодарность объявить. Но фиг дожدهшься.

Может, сюда залез какой-то вор-домушник, искал в кабинете деньги и ценности, а я оказалась не в то время и не в том месте...

Тут я заметила валявшийся на полу телефон. Сам аппарат не разбился, но задняя стенка была снята. Я сама так сделала в прошлый свой приход, чтобы вытащить из телефона карту памяти.

Это интересно. Следует хорошенько над этим подумать.

Но это потом, а пока мне нужно найти статью, за которой меня послал Азадовский, и возвращаться на работу, в музей.

Я собрала бумаги, разбросанные на полу, разложила их на столе, и среди них скоро нашла ту самую статью, над которой перед смертью работал Михаил Филаретович. Статья называлась «Зачатки монотеизма в реформах фараона Эхнатона».

Я собрала все листочки, сложила в сумку и вышла в коридор.

Из соседней комнаты доносился шум пылесоса. — Надежда Степановна, я ухожу! Закройте за мной!

Пылесос замолк, домработница вышла в коридор.

— Ну, я все нашла...

— Ну и ладно. Я сейчас здесь порядок наведу и сдам ключи. Дальше вы сами с управляющим разбирайтесь, как хотите, так и делайте! Меня это больше не касается. Закончилась моя служба здесь... — Голос ее дрогнул.

Я вышла из квартиры, спустилась по лестнице.

Подъезд, где жил Филаретыч, выходил во двор.

Типичный питерский двор-колодец, куда солнце заглядывает в лучшем случае на полчаса. Из этого двора проходная арка выходит на набережную канала Грибоедова. Туда я и пошла.

Но как только я вошла в темную арку, вдруг впереди зазвучало какое-то заунывное пение, и в арке стало еще темнее, потому что выход из нее загородила какая-то странная фигура.

Это был человек с собачьей головой...

Меня охватил озноб.

Я вспомнила видение, которое промелькнуло перед моим внутренним взором в момент беспмятства.

Тогда мне тоже привиделись фигуры с головами животных — сокола, львицы, шакала... они, эти странные существа, обматывали меня широким бинтом и пели какой-то заунывный хорал...

И вот сейчас, наяву, под звуки такого же унылого, потустороннего хора ко мне приближался человек с головой собаки или, может быть, шакала...

Первым моим побуждением было броситься наутек, как можно скорее и дальше, но ноги меня не слушались. Я задрожала и прижалась спиной к сте-

не, чтобы не упасть. А он, этот страшный человек (и человек ли?), неотвратимо приближался ко мне...

Все ближе и ближе...

Нас разделяло всего несколько шагов.

Ужас сковал меня.

А потустороннее существо приблизилось, поравнялось со мной под звуки потустороннего песнопения...

И тут, когда я была уже на грани беспамьятства, в темноту арки проник какой-то случайный луч света, и упал на это фантастическое создание.

И я с изумлением поняла, что это — не призрак, не загробное видение, не египетский бог Анубис, а обычный человек, мужчина лет сорока, который несет на руках собаку... собственно, даже не взрослую собаку, а большого щенка, скорее всего, маламута.

И тут же я узнала музыку — это было не какое-то потустороннее пение, а запись немецкой группы Enigma, созданная на основе григорианских хоралов. Видимо, хозяин собаки слушал эту музыку на плеере, только почему-то не через наушники, а через динамик. И заунывное средневековое пение наполнило до краев гулкое пространство питерской подворотни.

— Девушка, что с вами? — проговорил мужчина озабоченно. — Вам плохо?

— Нет... я... я просто испугалась... — пролепетала я, кивнув на его пса.

— Что? — переспросил он удивленно. — Вы испугались Рея? Да он совсем безобидный, и он вообще еще щенок... я его к ветеринару возил, а обратно, видите, пришлось от машины на руках нести,

он еще не отошел от наркоза... Или вы вообще собака боитесь? — догадался он.

— Да никого я не боюсь! — Я рассердилась на саму себя за то, как глупо себя веду, и, как водится, перенесла эту обиду на постороннего, ни в чем не повинного человека.

— Ну, смотрите... — проговорил он недоуменно.

А я опустила голову и решительно зашагала вперед.

При этом я думала о нескольких неприятных вещах.

Во-первых, что со мной происходит? Чего я вдруг так испугалась? Я никогда не была трусихой! Подумаешь, человек нес на руках собаку! Вот если бы собака несла человека — это было бы удивительно... шучу.

Второе, и гораздо более серьезное — кто ударил меня по голове? И кто, соответственно, хозяйничал перед моим приходом в кабинете Михаила Филаретовича? И что этот кто-то там искал?

Вот не верила я, что это простой домшник! Тем более, что снятая задняя стенка телефона говорила кое о чем. То есть этот тип искал карту памяти телефона? Или случайно уронил его на пол...

Тут я вспомнила рассказ домработницы, что Михаил Филаретович умер с трубкой в руках. И тетка растерялась и не посмотрела, куда же он звонил. Или ему звонили. И во время этого разговора он, и... жалко все-таки старика, уж от него-то я точно не видела ничего, кроме хорошего.

С такими мыслями я очень скоро вернулась в музей.

Надо, наконец, сказать о нем два слова.

Музей, где я работаю, необычный. В нем нет ни картин, ни фарфора, ни игрушек. Он возник в начале девяностых годов, когда закрыли знаменитый Музей религии и атеизма, находившийся в Казанском соборе. Сам собор передали церкви, а экспонаты музея разделили между несколькими новыми экспозициями. В том числе все предметы, имевшие отношение к Древнему Египту и вообще всему восточному, перевезли в особняк барона Райснера и создали там Музей древних религий Востока. Возглавил новый музей известный египтолог Михаил Филаретович Вишневецкий, или Филаретыч, как называли его близкие друзья. К коим и я себя причисляю.

Я вошла в холл музея, кивнула двум египетским статуям, которые стояли по бокам лестницы вместо вахтеров, прошла мимо гранитного саркофага, поднялась на второй этаж и вошла в приемную перед директорским кабинетом.

Там я застала Розу Витальевну.

Роза сидела на своем неизменном месте, но глаза у нее были красные и нос тоже. Ясно было, что она только что плакала.

— Что случилось? — спросила я удивленно.

Роза Витальевна — не тот человек, чтобы плакать без повода. Да я ее вообще никогда не видела плачущей, кроме того дня, когда умер Михаил Филаретович.

Она подняла на меня глаза и махнула рукой:

— И не спрашивай!

Но тем не менее тут же продолжила:

— Это Азадовский... он с цепи сорвался! Закусил удила! Пошел вразнос! Мало того что занял ка-

бинет Михаила Филаретовича, не дождавшись, пока его труп остынет, так он теперь хочет все здесь изменить! Он... он... меня... хочет уволить! Меня! — И она снова зарыдала.

Да, это действительно серьезно... Роза Витальевна работает в Музее с самого его основания, как и Михаил Филаретович. Уволить ее — это... это все равно что убрать из холла гранитных привратников!

Но у меня были свои собственные проблемы.

Я сочувственно покачала головой и вошла в кабинет директора.

Азадовский поднял на меня тусклый оловянный взгляд и процедил своим противным гнусавым голосом:

— Карасева, где ты пропадала?

— Там, куда вы меня посылали, — отрезала я холодно, — ездила за статьей Михаила Филаретовича. И с какого перепугу вы ко мне обращаетесь на «ты»? Мы вроде не родственники.

Он позеленел, со свистом выпустил воздух сквозь сжатые зубы и протянул руку:

— Давай...те статью!

Я протянула ему стопку листов. Он пробежал глазами первую страницу и снова поднял на меня глаза:

— Что ты... что вы мне принесли, Карасева?

— Что нашла, то и принесла! Это та самая статья, о которой вы говорили...

— Это — статья? — выдохнул он. — Это безобразие! Сплошные ошибки! В таком виде это нельзя печатать! Подумать только — «Ортефакт»! Вопию-

щая безграмотность! А здесь вообще — вместо прошлого «прожлое»... это просто уму непостижимо!

Я взглянула на распечатку. И правда, она пестрела ошибками. Странно, Михаил Филаретович был человек очень образованный.

Мне стало за него обидно, и я фыркнула:

— Я-то тут при чем?

— Ты... вы всегда ни при чем! Вот, возьми...те эту статью и перепечатай...те без ошибок!

— Почему я?

— Ты... вы здесь работаете, между прочим, деньги получаете! И не пособие по безработице, а заработную плату! Заработную, значит, ее нужно отрабатывать!

— Или это деньги? — фыркнула я.

Азадовский сделал вид, что не расслышал последнюю реплику. Он сунул статью мне в руки и кивнул на дверь:

— Все, свободны!

Я только было шагнула к двери, но он тут же передумал и остановил меня:

— Постой...те. Еще одно. Напишите конспект экскурсии по экспозиции музея.

— Что? — Я уставилась на него в удивлении.

Я действительно время от времени вожу экскурсии по нашему музею, рассказываю многочисленным посетителям о его экспонатах. Но никакого конспекта я не составляла, мне это ни к чему. Я все прекрасно помню и могу рассказывать об этих экспонатах с закрытыми глазами. Что еще за новости? Нет, пора увольняться!

— Мне никакого конспекта не нужно. Я без него прекрасно обхожусь.

— *Вам* действительно не нужно, потому что *вы* больше не будете проводить экскурсии. *Вы* для этого совершенно не подходите. У *вас* нет для этого соответствующей компетенции.

— Что? — Я уставилась на Азадовского, как на огромного, отвратительного таракана.

Почему-то меня больше всего возмутило это слово — компетенция... где он его откопал? Нет, точно нужно увольняться! Вот только найду другое место, и больше он меня не увидит...

— Почему-то до сих пор мне всего хватало! — проговорила я возмущенно.

— Раньше, может быть, и хватало, но теперь все изменится! Я все здесь реформирую! Мы должны идти в ногу со временем!

— И кто же теперь будет проводить экскурсии... в ногу со временем?

— Вот, познакомьтесь — Алиса... Дмитриевна, — и он кивнул в сторону.

И только сейчас я заметила, что кроме меня и Азадовского в кабинете присутствовала еще одна личность — девица со светлыми отупоженными волосами и круглыми голубыми глазами, похожими на две пластмассовые пуговицы. На девице были черные слаксы, обтягивающие довольно внушительный, я бы сказала, зад и накидка из белого искусственного меха, то есть просто мешок с дырками для головы и рук.

— Вот это вот? — фыркнула я.

— Алиса... Дмитриевна — дипломированный специалист по связям с общественностью! — выскопарно произнес Азадовский. — Она поднимет уровень нашего музея на новую высоту! Вдохнет в него современные тенденции!

— Я себе представляю... — проворчала я себе под нос. — Если это все... — Я повернулась и пошла к двери.

— Я вас еще не отпустил!

Но я не стала дальше слушать и пошла прочь, пока от злости чего-нибудь не разбила или не наговорила лишнего.

Я пролетела через музей, не оглядываясь по сторонам, и перевела дыхание, только когда пришла на свое рабочее место.

Это был, конечно, не кабинет, а большая захламленная комната, разделенная несколькими шкафами на отдельные закутки, каждый из которых занимал кто-то из сотрудников. В одном из закутков сейчас сидела Роза Витальевна и вполголоса жаловалась на жизнь нашей старейшей сотруднице Варваре Тихоновне, тихой безотказной старушке, работавшей еще в Казанском соборе.

Я зашла в свой закуток, бросила злополучную статью на стол и села.

После разговора с Азадовским меня просто колотило. Я сама себе удивлялась — что это меня так разобрало? На самом деле мне на все эти дела глубоко наплевать... неужели меня так возмутило, что Азадовский нашел какую-то куклу на мое место?

Да пошли они все лесом!

Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и наконец взяла статью — работа всегда успокаивает.

Статья была посвящена периоду фараона-реформатора Эхнатона. И действительно, буквально пестрела ошибками.

Очень странно...

Я встала, подошла к Розе Витальевне, показала ей статью:

— У вас в компьютере нет такого файла?

Она вытерла глаза, взглянула на листки и сразу ответила:

— Нет, я бы вспомнила. Наверное, Михаил Филаретович печатал ее дома. Странно, как много ошибок...

Да, вот и мне это показалось странным...

Так, жаль... раз у Розы Витальевны этого файла нет, придется все заново набирать на компьютере и исправлять ошибки...

Ужасно не хотелось браться за такую нудную работу, и вместо этого я задумалась.

Действительно странно, почему в тексте так много ошибок? Филаретыч был человек очень образованный, и уж грамотность у него была идеальная...

Вообще, в его смерти очень много странного...

Я вспомнила, что вытащила из его телефона карту памяти.

Интересно, не ее ли искал тот человек, который рылся в кабинете Филаретыча?

Я нашла карту у себя в сумочке, вставила в компьютер. Программа открыла ее, и я увидела список последних звонков...

Вот и самый последний номер. С него Филаретычу позвонили перед смертью... Значит, не «Скорую» он вызывал, а с кем-то разговаривал. Вот интересно, и этот кто-то, услышав, что человеку плохо, не забеспокоился, никак не проявил своей озабоченности... Услышав, что ему не отвечают, просто повесил трубку... Ну-ну...

Я выписала этот номер на листок.

Нужно попробовать позвонить по нему, узнать, что это за номер...

Я уже потянулась к своему телефону, но что-то меня остановило. Почему-то мне стало страшно. Вот накатило вдруг какое-то неприятное чувство, засосало под ложечкой, и сердце пропустило пару ударов.

Да что вообще со мной сегодня происходит?

Тут дверь нашего общего кабинета открылась, и на пороге возникло дивное видение — Алиса, та кукольная девица, которую привел в музей Азадовский.

Вот интересно — она дочка какого-нибудь его знакомого или начальника? Или он сам к ней бьет клинья? Если так, он давно не смотрелся в зеркало...

Алиса остановилась на пороге, удивленно моргнула своими пластмассовыми глазами и протянула:

— А где будет мой кабинет?

— Вот тут, — Роза Витальевна показала ей на свободный закуток за шкафом.

— Ту-ут? — протянула Алиса недоверчиво. — Но разве тут можно... работать?

— Мы работаем! — отрезала Роза.

Я молча наблюдала и думала, сколько эта орхидея выдержит в нашем клоповнике.

Она зашла в закуток, безглаголиво оглядела его, вытерла стул носовым платком, села. Затем достала мобильный телефон (само собой, поросячье-розовый, навороченный, со стразами), потыкала в него пальчиком и заговорила вполголоса — но акустика у нас хорошая, так что всем было слышно:

— Да, привет, это я... вышла на работу... ты не представляешь, какой это отстой...

Роза Витальевна кашлянула. Алиса покосилась на нее и еще понизила голос, так что больше ничего не было слышно.

Договорив, она положила телефон на стол и обернулась:

— А где у вас можно выпить ко-офе? Лучше бы латте...

— У меня есть банка растворимого, — предложила сердобольная Варвара Тихоновна, за что получила от Розы зверский взгляд. Но старушенция плохо видит, так что ничего не заметила.

— Растворимый? — В голосе Алисы прозвучал натуральный ужас. — А туалет хотя бы у вас есть?

— Что есть, то есть! — с готовностью сообщила Варвара. — По коридору налево.

Алиса вскочила и шагнула к двери, но Роза крикнула ей в спину:

— Там вода спускается через раз!

— Как? — ужаснулась Алиса.

— А вот так — раз спускает, а раз нет. Это как повезет. — Роза и не старалась скрыть злорадство в голосе.

Алиса вылетела в коридор, а я вернулась к своему занятию: начала набирать на телефоне номер, по которому разговаривал перед смертью Михаил Филаретович.

И снова мне стало страшно...

Если я наберу этот номер со своего телефона — меня запросто смогут найти...

Кто? Я понятия не имела, но отчего-то жутко боялась.

И тут я кое-что увидела.

Кукла Алиса, выходя из комнаты, оставила на столе свой навороченный телефон...

Я огляделась.

Никто не смотрел в мою сторону, и я сделала пару шагов и схватила телефон Алисы...

Понимаю, что такой поступок меня не красит, но что есть, то есть. В конце концов, каждый хочет, как лучше для себя.

Я снова огляделась и быстро набрала на ее телефоне подозрительный номер.

Сначала из трубки донеслось несколько длинных гудков, потом послышался шелчок, и затем зазвучал странный голос — ни молодой, ни старый, ни мужской, ни женский... и звучал он откуда-то из страшного далека...

— Сделай слово умершего истинным против его врагов, равно как ты делал истинным слово Осириса в присутствии вождей-татау, которые вместе с Ра и Осирисом в вещую ночь и священную ночь битвы, связанные по рукам и ногам...

Бред какой-то, бессмыслица!

Однако от этой бессмыслицы у меня холод побежал по спине.

А бесполой голос продолжал, на этот раз перейдя на какой-то непонятный язык:

— Ра-хамархис, небтху-хур тефнут...

Загадочные слова лились из трубки, и словно тягучий ядовитый туман окутывал меня. Мне стало тяжело дышать, сердце билось в каком-то неправильном месте...

— Абха-нур, темахар софот...

Я пыталась оторвать трубку от уха, но рука меня не слушалась, как будто стала чужой, враждеб-

ной. Перед моими глазами поплыли разноцветные пятна...

В это время дверь нашей комнаты открылась, на пороге появилась Алиса...

Если она увидит свой телефон у меня в руке, это будет скандал. Разорется, нажалуется на меня Азатовскому, а мне отчего-то именно сейчас не хочется, чтобы меня уволяли...

Эта мысль необъяснимым образом помогла мне сбросить наваждение, преодолеть чары бесполого голоса. Я оторвала телефон от уха, сбросила звонок, бросила телефон на стол и метнулась в свой закуток.

И очень вовремя, потому что Алиса как раз дошла до своего рабочего места. На лице у нее был настоящий ужас — она никогда прежде не видела такого санузла, как у нас в музее... Унитаз желтый, не отмывается уже, бачок сверху, и бомбошка с цепочки давно потерялась, так что нужно слегка подпрыгнуть, чтобы дотянуться. Мне-то что, я молодая, а вот старушкам туговато приходится. Впрочем, они за много лет натренировались.

Я перевела дыхание и снова попыталась сосредоточиться на статье.

«Фараон восемнадцатой династии, известный до пятого года своего правления как Аменхотеп Четвертый...»

И снова мне помешали сосредоточиться: где-то совсем рядом зазвучала жизнерадостная мелодия.

Я вздрогнула и обернулась, и тут же поняла, что это зазвонил телефон Алисы.

Она схватила телефон, как спасательный круг, поднесла его к уху и проворковала:

— Лиззи, это ты?

Тут же лицо ее вытянулось, глаза еще больше округлились, и она испуганно протянула:

— Кто это? Не понимаю... что вы говорите? Я ничего не понимаю...

Она послушала еще немного, после чего лицо ее побледнело, глаза закатились под лоб, и Алиса беззвучно сползла на пол.

Вот вы не поверите, но в глубине души я чего-то подобного и ожидала. Нехорошо, конечно, так подставлять эту куклу, но выхода у меня тогда не было.

Наши дамы кинулись к упавшей с громким кулдахтаньем. Варвара Тихоновна пихала ей под нос флакончик с нюхательной солью (подозреваю, еще дореволюционный, а может быть, даже древнеегипетский — Среднего, а то и Древнего царства), более практичная Роза Витальевна вызвала «Скорую помощь», отогнав остальных, чтобы дать несчастной чуточку воздуха.

Алиса и правда выглядела не лучшим образом. Она дышала, но была бела как мел и не приходила в сознание.

Я тоже подошла, чтобы понаблюдать.

У меня усилилось подозрение, что я отчасти виновата в том, что с ней произошло.

На полу, рядом с Алисой, лежал выпавший из ее руки телефон. Эта картина что-то мне напомнила.

Я подняла телефон, поднесла его к уху.

Из трубки неслись длинные, монотонные гудки. Тогда я заглянула в журнал звонков...

И увидела, что последний входящий звонок пришел с того самого номера, по которому я толь-

ко что звонила. С того самого номера, где я услышала странный, бесполой, гипнотический голос, который говорил на непонятном языке.

Да я и правда виновата в том, что случилось с Алисой! Я позвонила по этому номеру с ее телефона — и они, кто бы это ни был, перезвонили на него...

Я вспомнила, как мне стало плохо от этого голоса, какое на меня напало оцепенение... если бы я не смогла справиться с этим оцепенением, не смогла оборвать звонок, может быть, сейчас не Алиса, а я лежала на полу без сознания?

Тут я поняла, что напонила эта картина — безжизненное тело Алисы и телефон на полу рядом с ней.

В таком же виде нашли Михаила Филаретовича. Только он был уже мертв.

Додумать эту мысль я не успела, потому что в дверях показались два человека в медицинской униформе — приехала «Скорая помощь». За ними маячил озабоченный Азадовский.

Врач огляделся по сторонам и бодро проговорил:

— Кто тут у нас больной?

Женщины расступились, чтобы он мог подойти к Алисе.

Медик опустился рядом с ней на колени, пощупал пульс, измерил давление, поднял веко, осветил в глаз маленьким фонариком, обменялся со своим напарником загадочными медицинскими терминами.

— Доктор, что с ней? — взволнованно спросил Азадовский.

— Ничего страшного, возможно, ортостатический коллапс.

— Что?! — переспросил Азадовский. — Это опасно?

— Да подождите, — врач отмахнулся, достал шприц и ампулу, сделал Алисе укол.

Та шевельнулась и открыла глаза. Лицо ее начало розоветь. Она удивленно оглядывалась по сторонам, явно не понимая, где находится и почему все хлопочут вокруг нее.

Врач снова послушал пульс, измерил давление и спросил:

— Вы не беременны?

Да что это они все зациклились на беременности? Меня вот по голове приложили, а первый вопрос был тот же самый...

Машинально я потрогала заживающую шишку на затылке. Кто-то же меня ударил там, в квартире Филаретыча. Этот вопрос надо прояснить потом...

— Да нет, вы что? — возмутилась Алиса. — С какой стати?

Ну, раз возмущается, значит, все в порядке!

Видимо, врач подумал то же самое.

— Вам виднее! — проговорил он, поднимаясь. — Больше бывайте на свежем воздухе, принимайте витамины, высыпайтесь и избегайте переутомлений.

Вот уж, не думаю, что эта кукла когда-нибудь переутомлялась! Это совсем на нее не похоже!

Медики ушли, Азадовский помог Алисе подняться и увел ее к себе в кабинет, заботливо поддерживая под руку. Нет, все-таки интересно, она чья-то дочка или он имеет на нее виды? Уж больно

суетится — по плечу поглаживает, шепчет что-то утешительное.

Азадовский оглянулся на сотрудников и плотно закрыл дверь кабинета.

А я вернулась в свой закуток и задумалась.

Что же это за номер, по которому так опасно звонить?

Алиса потеряла сознание, я чудом смогла оборвать звонок... но мы обе — молодые и крепкие, а Михаил Филаретович был пожилой и не очень здоровый человек, вот для него это и кончилось трагически...

Да разве такое может быть?

Разве человека можно убить словами?

Бред! Фантастика какая-то! Такого не бывает!

Но тут я вспомнила бесполой голос, льющийся из трубки, как ядовитый туман, вспомнила, как меня от этого голоса охватила тяжкая дурнота, как мне стало тяжело дышать, и при этом я не могла пошевелиться...

Ох нет, лучше об этом не думать, а то мне от одного воспоминания снова стало плохо!

Я вернулась к статье Михаила Филаретовича, начала набирать ее на компьютере. Спокойная монотонная работа действовала на меня успокаивающе.

Наследник престола проснулся от странных, тягучих звуков, которые доносились откуда-то снизу.

Он приподнялся на ложе и прислушался.

Это было пение. Тягучее, заунывное, завораживающее. Где-то внизу, в подземелье дворца, пели два хора, чередуясь и сплетаясь, как сплетаются воды

двух рек, чтобы стать одной могучей рекой. Теперь наследник смог слышать даже слова этого гимна.

«О великий, Изида Лучезарная, мать всего живого, приветствует тебя!»

«О бессмертный, бог Амон-Ра, сокрушительный и всемогущий, дарует тебе свое вечное покровительство, помогает тебе сокрушить врагов и недругов!»

«Ничто в Египте не совершается без твоего соизволения! Ни один камень не падает без твоей воли! Без твоей воли не наливаются пшеничный колос, не зреет виноградная лоза».

Сердце наследника забилося от волнения.

Неужели...

Дверь опочивальни распахнулась, на пороге появился его наставник, жрец Изиды Пентуар. Он упал ниц на пороге и проговорил, не поднимая лица:

— Соизволь подняться со своего ложа, о великий, и проследовать за мной!

Наследник удивленно взглянул на Пентуара.

Прежде он не падал перед ним и обращался к нему иначе... значит, и правда воля богов свершилась, и он...

— Что с его божественным величеством, моим отцом? — настороженно спросил он жреца.

— Божественный фараон бессмертен! — проговорил жрец, по-прежнему не поднимая головы. — Теперь ты — божественный фараон, отец всех людей и брат всех богов! Соизволь проследовать за мной, равный богам!

— Значит, мой отец...

— Отец твой вскоре отплывет в погребальной ладье, чтобы присоединиться к сонму богов, чтобы воссесть в небесном чертоге рядом с Озирисом и Изи-

дой. А сейчас, о великий, жрецы ждут тебя, чтобы возложить на твое чело священные регалии.

Наследник престола... то есть теперь уже фараон, повелитель Верхнего и Нижнего Египта и девяти народов, проследовал за Пентуаром.

Они прошли по знакомым дворцовым коридорам, но потом свернули в узкую дверь, которой наследник прежде не замечал, и, пройдя еще одним коридором, оказались в небольшой комнате без окон, где их поджидали двое жрецов низшего ранга.

Низко поклонившись наследнику... то есть теперь уже фараону, жрецы облачили его в короткую тунику в черную и красную полоску, в золотой передник, возложили ему на плечи золотой воротник, украшенный ониксом и нефритом, на голову — парик, умащенный бесценными благовониями.

Только головного убора на него не надели, и наследник догадался почему.

Облачив его в эти одежды, жрецы взяли наследника за руки и провели через низкую арку в новый коридор.

Идя по этому коридору, наследник (или уже фараон?) услышал впереди ровный гул, напоминающий шум морского прибоя.

Коридор закончился.

Он оказался на круглой платформе, возвышающейся над огромным залом, наполненным людьми.

Теперь наследник понял, что за шум слышал, идя по коридору.

Это были приглушенные голоса наполнивших зал многочисленных людей.

Здесь собрались военачальники и вельможи, номархи и наместники провинций, но больше всего бы-

ло жрецов. Бритоголовые, одетые скромно, по сравнению с вельможами и военачальниками, жрецы составляли, наверное, три четверти присутствующих.

При появлении фараона все в зале замолчали.

Рядом с ним появился хорошо знакомый ему жрец, верховный жрец храма Гора. Но сейчас он был одет не так скромно, как обычно. На нем была золотистая накидка, на голове — драгоценный золотой убор, украшенный Уреем — великим змеем, символом царской власти.

— *Почему у него на голове царский убор? — тихо спросил фараон Пентуара.*

— *Потому что в короткий промежуток времени, когда прежний фараон покинул свою земную оболочку, а новый еще не взошел на трон отцов, именно он несет знак высшей власти!*

— *С какой стати? — помрачнел фараон.*

— *Так заведено веками!*

— *Да здравствует фараон! — воскликнул жрец, снял царский головной убор и возложил его на главу фараона.*

Я ввела в компьютер первые строки статьи и снова поразилась тому, как много в ней ошибок.

Ну, не мог Михаил Филаретович написать такое: «Уникальный ортефакт, представляющий в новом свете прожское Егепта...»

Ну, вот не мог, и все! У него рука бы не повернулась написать такое!

Если только он не сделал это нарочно...

Но зачем?

Я взяла чистый листок и выписала на нем в столбик все неправильные буквы из первых строк:

О

Ж

Е

Потом продолжила ввод — и при этом выписывала на листок все ошибки:

«Безупречные изделия египетских мастеров должны были увековечить память вараонов...»

И снова я выписала в столбик неправильные буквы:

Г

О

В

Теперь я сложила все ошибки вместе — и получила слово:

Ожегов.

Не просто слово — фамилию.

И фамилия эта была мне, несомненно, знакома. Где-то я ее слышала, причем не один раз...

И тут из своего закутка подавала голос Варвара Тихоновна, которая, судя по всему, тоже редактировала какую-то статью:

— Нет, ну до чего все-таки современная молодежь безграмотна! А все почему?

Она сделала паузу, наверное, надеясь, что кто-то ей ответит. Однако она не дождалась и ответила сама себе:

— Потому что во всем полагаются на компьютер! Совершенно не умеют работать со словарями! В «Ожегова» годами не заглядывают! А может, и вообще никогда...

Я буквально подскочила.

— Варвара Тихоновна, что вы только что сказали?